

НИКА СОЗОНОВА

ГРАНЬ

Ника Созонова

Грань

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Созонова Н.

Грань / Н. Созонова — «Мультимедийное издательство
Стрельбицкого»,

Постапокалиптический мир. Сквозь темное небо не пробивается ни один лучик солнца. Мертвая природа, опустевшие города... Мрачное следствие планетарной катастрофы – столкновения с Землей астероида. Но не мрак и холод вечной ночи, а демоны, поселившиеся в душах людей, возвращенные страхом и безысходностью психозы стали главным бичом возрождающегося человечества. Учеными создан прибор, позволяющий подключаться к психике человека, чтобы заранее выявлять опасных для окружающих. Главный герой - молодой психолог-практик, работает с таким прибором. Он разведен, крепко любит шестилетнюю дочку, увлечен своим делом: есть ли что-нибудь интереснее, чем бродить в душах людей? Каждая психика - неповторимый мир. В реальном мире почти не осталось ярких красок и света, в отличие от миров внутренних. Но что станет делать уверенный в себе профи, когда после страшной личной трагедии очередным полем битвы станет его разум, его душа и его жизнь?

© Созонова Н.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Часть 1	5
1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Ника Созонова

Грань

Часть 1

ИЗВНЕ

1

...80, 79, 78 – отсчет пошел.

Расслабляюсь, изгоняю из своего сознания все мысли и чувства. В сущности, это медитация, обыкновенная медитация. Лишь небольшое добавление – медленный счет. Я выбрал для себя число восемьдесят. Кто-то начинает со ста или даже двухсот – скорость вхождения у всех разная, зависит от гибкости психики.

...64, 63, 62... Помнится, на Курсах мы спорили, позерствуя друг перед другом, через какой минимальный промежуток времени сумеем войти. Один раз я попробовал отсчет в 25. В итоге провел неделю на реабилитации у психиатров и больше не экспериментировал.

...38, 37, 36... Вот оно: период абсолютной пустоты и покоя. Мое сознание – чистый лист бумаги, белоснежная равнина. Мне нравится это состояние полной очистки, совершенной свободы от своего суетного «я». К сожалению, не могу позволить себе наслаждаться им долго.

...26, 25, 24... На счет 24 слабым движением указательного пальца нажимаю на кнопку в подлокотнике кресла. Как обычно, первые ощущения – сигналы о том, что нечто чужое просачивается под твою черепную крышку – неприятны и физиологичны. Начинает свербеть горло, словно в него засыпали песок, крохотные иголки вонзаются в подушечки пальцев, отчаянно чешутся пятки. Весь организм, а не только мозг яростно сопротивляется вторжению: «Не хочу! Не пушу!...»

...13, 12, 11... Тело успокаивается. Сознание потихоньку осваивается в новом пространстве: осматривается, принимает. Словно человек, зашедший в огромный чужой дом... или сад... или террариум. Для многих это самый трудный и неприятный момент в контакте, хуже, чем предыдущее телесное возмущение: слияние с чужой психикой, с посторонней – и, как правило, отчаянно-чуждой – душой. Для меня – самый острый и интригующий.

...2, 1, 0. Еще одно нажатие кнопки – оно полностью отключает от собственного тела, прилежно застывшего на кушетке со скрещенными на груди – как у усопшего – ручками. Вошел!..

...Здесь было довольно-таки обыденно. Я ожидал большего от внутреннего мира женщины, до смерти забившей единственного сына одиннадцати лет. Впрочем, пора бы и привыкнуть, что мои ожидания редко оправдываются: большинство внутренних миров, в которые ныряю с трепетом первооткрывателя (джунгли Амазонки? пещера Алладина? бескрайний заполярный пейзаж?), представляют собой нечто гораздо менее экзотическое – что-то вроде комнатухи с привычной мебелью или типового домика, в подвале которого таятся столь же типовые ужасы.

Так и здесь. Впрочем, цветовая гамма была достаточно яркой, а это немаловажно. Большинство моих коллег выбирает трудную ношу мада не столько из любви к психологии, сколько от банальной тоски по зелени, дневному свету и ярким краскам. В реальном мире с этим туго, а в мирах внутренних – хватает. Конечно, если «ведомый» не страдает от депрессии.

Едва осмотревшись и вчувствовавшись, я понял, что грань между нормой и безумием у моей пациентки необратимо стерта. Весьма удобно, кстати, когда силу «вчувствования» регулируешь сам. Это становится возможным, если очищаешь сознание медитацией, а не с помощью «Мадонны». Машинная чистка автоматически задает уровень со-ощущений «ведущего» и «ведомого», и он крайне низок: как если литр вина разбавить пятью литрами воды. Качество эмоций разобрать можно, и ладно. Для меня подобное неинтересно – мало «хмеля», поэтому разбавляю вино страстей водой бесстрастия в пропорции один к одному.

Да, ноль сомнений: таких, как моя «ведомая», не исцелить никакими средствами – ни химией, ни гипнозом, ни электрошоком. Но одних чувств, даже подкрепленных опытом и интуицией, мало. Чтобы вывести вердикт, необходимо увидеть преступление собственными глазами, «прожить» его, а до этого – проследить истоки и предпосылки.

Легче всего разбудить память «ведомого», заговорив с ним. Это практически ритуал, выверенный до малейших нюансов интонации.

«Поговори со мной! Расскажи о себе, о своем прошлом, о своем детстве...» Собственный задушевно-приторный голос был мне противен, но что делать?

Я был с нею, был в ней, был ею. Будоражил память, и моя настойчивость ощущалась несчастной детоубийцей не как нечто вторгшееся и постороннее, но спонтанно возникшим, естественным желанием окунуться в детство и молодость...

Женщина послушно принялась вспоминать, оживляя давнее, а потом и недавнее прошлое. И я вместе с ней.

Когда она поняла в первый раз, что большинство окружающих ее людей нечистые? Наверное, в школе. Нет, раньше: мать не раз говорила об этом, с самого раннего детства. К примеру, звонко отхлестывая по щекам за малейшую провинность – разбитую чашку или невымытую посуду – повторяя, громко и размеренно выговаривая слова, что все люди грязны и мерзки, а она мерзка и грязна вдвойне, и потому ей нужно усиленно молиться и много работать, чтобы очиститься и не попасть в ад.

И она молилась, стоя на коленях перед сумрачной иконой Богородицы, молилась и много работала, делая все по дому и огороду, расположенному в сыром подвале, который нужно было постоянно топить, растаскивая на доски заборы и сараи в окрестных дворах. Она научилась молиться даже во сне, но горячее душное жерло ада всегда дышало в затылок, обдавая жарким смрадом волосы, слипая их в плотные пряди, не поддающиеся даже железной расческе.

Но в интернате, куда ее поместили после того, как мать умерла от сердечного приступа во время молитвы – с поклонами и битьем лба об пол (помнится, она испытала тогда смесь чувств: острое облегчение, зависть и грызущее осознание своего бездушия), выяснилось, что на самом деле все не так. Мировоззрение ее перевернулось.

Это случилось во второй на ее памяти День Просвета.

Многолетний сумрак – следствие Катастрофы, настолько угнетающе действовал на людскую психику, что раз в несколько лет власти города устраивали Просвет – разгоняли на короткое время слои атмосферной пыли, давая возможность пробиться солнечным лучам. Это мероприятие требовало огромных затрат энергии и технических ухищрений, поэтому проводилось редко.

День Просвета был общегородским праздником. Большим, куда большим, чем Новый год или Рождество. Не всегда он выпадал на воскресенье – надо было ждать подходящей погоды. Вот и в тот раз день оказался будним.

Ей недавно исполнилось двенадцать. Она сидела на задней парте у окна и смотрела, как заискрился под лучами солнца – невидимого пока, лишь пробивающегося сквозь серую завесу – снег на крышах. Дети рвались на улицу, но училка, строгая и деспотичная, во что бы то ни стало желала довести урок до конца. «Дура! Больная! Дебилка!...» – шептались, подпрыгивая

на стульях, поскуливая, иступленно грызя ногти, все вокруг. Скорее всего, и вправду больная – больная душой пятидесятилетняя гримза, из «прежних», что видели солнце множество раз и потому оно не казалось им ослепительным чудом.

Она одна из всей оравы одноклассников сохраняла спокойствие.

В классе недавно сделали ремонт, и стены остро пахли краской, а столы – лаком. Ей нравились эти запахи – искусственные, резкие, они ассоциировались с той самой мифической чистотой, которой, по словам матери, ей никогда не достичь. Столы были выкрашены в ярко-желтый, а стены в ярко-зеленый – такими нехитрыми средствами пытались бороться с цветочным голодом. Обычно кричащие краски утомляли и раздражали ее, но сегодня было не так: неестественные цвета отчего-то тоже были причастны красоте и чистоте.

В запахи и краски вплетался, сливался с ними нараставший за окном свет. У математики хватило ума выключить электричество. Но вместо того чтобы широко распахнуть дверь и выпустить на волю исходящих нетерпением учеников, и самой ринуться на улицу в первых рядах, она продолжала с тупым упорством долбить по доске мелом, выводила бесконечные формулы.

Впереди нее сидела девочка с большими мягкими ушами и редкими волосами, стянутыми в хвостик. Набирающий силу свет пронизывал эти клоунские уши, окрашивая их в нежно-розовое – столь же божественно-чистое, что и белизна за окном. С чужих ушей взор ее перескочил на свою руку, на которой подрагивало золотое пятно – солнечный зайчик. Тонкие волоски, попавшие в это пятно, тоже стали золотыми. Ей вдруг почудилось, что посредством чистейшей игры света и неземного запаха с ней разговаривают невидимые и прекрасные существа. Ангелы, быть может? Она разом осознала, насколько не права была ее бедная мать, почувствовав, как чистота, тихонько звенящая и прохладная, окутывает ее, входит и наполняет – всю, целиком.

Отделившись от всех, она воспарила под свежепобеленный потолок – хоть и продолжала в то же время смирно сидеть за своей партой. И оттуда, с высоты увидела всю грязь, всю низость своих одноклассников, словно побывав изнутри в каждом из двадцати сердец, нетерпеливо стучавших под тусклый бубнеж садистки-учительницы. И в ее сердце она побывала тоже, и не увидела там ничего, кроме застарелой, засохшей корки злобы и грязи...

Потом раздался дружный вопль и грохот – это училка, наконец, соизволила поставить точку и распахнуть дверь. Она вздрогнула и вернулась на свое место, в ставшее ей разом тесным тело в коричневом потертом платье. И сидела какое-то время одна, потрясенная и сияющая, в совершенно пустом классе.

А ночью, беспокойно ворочаясь на жесткой постели с выпирающими пружинами, рвущимися ей под ребра, она думала о том, что самым ярким и волшебным впечатлением дня было не солнце – крохотный желтенький диск, зависший над крышей дома напротив, не сходящие с ума от радости школьники и учителя – а ощущение неземной чистоты, охватившее ее в классе. И снова она слышала те же ласковые ангельские голоса, что вознесли ее над всеми, и они поведали ей, что она должна нести в мир свет и чистоту, что она сама и есть чистота и свет.

Замкнувшись в своей исключительности, она стала еще менее общительной, чем была до того. Готовясь нести людям свет, она боялась ненароком испачкаться. Избегала контактов со сверстниками, не переносила, когда к ней прикасались, даже случайно, по несколько раз в день терла руки жесткой мочалкой с мылом – до ссадин.

При этом старалась быть со всеми вежливой, не позволяя себе ни повысить тон, ни употребить грубое слово – что бы ни происходило вокруг. Ведь ее миссия – нести чистоту и красоту всеми средствами: словами, поступками, внешним видом. Она и работу выбрала с умыслом – продавщица средств гигиены: мыло, зубной порошок, пемза, мельчайший песок для чистки посуды. На маленькую зарплату умудрялась хорошо одеваться – скромно, но стильно.

Тщательно следила за собой – за волосами, кожей, зубами. Ей повезло с внешностью – хорошая фигура, правильные черты лица. В сочетании с ухоженностью и идеальными манерами – Снежная Королева, да и только.

В двадцать три года она встретила человека, который показался ей достойным быть ее спутником и помощником в нелегкой миссии. То был пухловатый рассеянный юноша с постоянно запотевшими очками над близорукими карими глазками. И он действительно помогал по мере сил, мало что понимая – видимо, был влюблен не на шутку.

Он не роптал и терпел, что она подпустила его к себе лишь спустя два месяца после свадьбы, и то лишь потому, что он сумел убедительно объяснить: без этого не родится ребенок. Она страстно хотела детей – чтобы было кому передать собственный свет, оставить в наследство миссию. Секс с ней больше смахивал на тягостную повинность, чем на удовольствие, но он и тут не роптал. Два раза в месяц по пятнадцать минут, без предварительных ласк и только в классической позе, после чего она долго отмокала в ванной, откуда выходила с царапинами на теле – не следами страсти, но следствием ожесточенного трения мочалкой.

Когда она забеременела, на пыточных пятнадцатиминутках был поставлен крест – отчего оба вздохнули с облегчением, и он даже с большим. За то время, что они занимались производством ребенка, он приучился воспринимать себя похотливым животным, самцом обезьяны – о чем она не уставала вежливо намекать чуть ли не ежедневно.

Интимные отношения не восстановились и после родов. Хорошенько обдумав и взвесив, она решила ограничиться одним ребенком – отдав ему все силы и всю любовь, а не заводить еще одного-двух, снова окунаясь в смрад и мерзость неизбежной физиологии.

В целом все было хорошо – по крайней мере, ей так казалось. Пока не появилась эта женщина, эта блондинистая тварь. Она была грязнее самой грязи, самого понятия грязи – и это понятие унизилось бы, будучи примененным к ней. Тварь воплощала собой все то, что было ей омерзительно, от чего ее тошнило и воротило. Но мужу она почему-то пришлась по вкусу – и плебейские манеры, и глупые оладьи-щеки, и выпуклые пуговицы-глаза. Как можно спать с такой, целовать такую? Но ему отчего-то нравилось, не тошнило.

Он ушел тихо, без скандала. Просто собрал вещи и уехал, когда ее не было дома, даже не оставив записки. «Он меня боится, смертельно боится!» – с тайным злорадством твердила она себе. День спустя в голове теснились уже другие мысли: «Он грязен, невероятно грязен и просто не выдержал моего света. Ничтожество!..» А еще через день стало обидно и тошно, смертельно тошно, так – что даже ангелы не успокаивали.

Со временем тошнота поутихла, и даже злость мало-помалу вошла в русло. Муж сбежал, струсил, но сын – кровиночка и наследник миссии, остался при ней. Отношения с наследником были неровными. Она могла неделями не обращать на него внимания, забывая стирать одежду, проверять дневник и готовить что-то специально детское. Прежде за этим следил муж, теперь же мальчику приходилось заботиться о себе самому. Порой же, словно спохватываясь и с ужасом представляя, как грязь от отца перейдет к его отпрыску, она принималась подолгу мыть его в ванне, заставляла каждый вечер стирать носки и чистить обувь, старалась не спускать с него глаз ни на миг.

Однажды – ему было одиннадцать лет – она застала сына за самым гнусным и отвратительным занятием, какое только могла представить. Она вошла к нему в комнату, чтобы потребовать сделать потише дикую музыку – то ли крах-рок, то ли пейн-рок (она плохо разбиралась в современных течениях, считая их хаосом и какофонией – в детстве ей разрешали слушать исключительно духовные песнопения). За ревом и треском сын не расслышал ее шагов. Он стоял к ней спиной и лицом к окну, макушка и шея подрагивали от наслаждения, а острый локоть правой руки ритмично дергался. Она постояла с минуту, не шевелясь, а потом так молча повернулась и закрыла за собой дверь.

Два дня она не произносила ни слова, существовала на автомате – руки занимались привычными бытовыми делами, а мысли носились далеко-далеко. Сын, привыкший к перепадам ее настроения, ни о чем не спрашивал, не надоедал. На третий день на нее снизошло озарение, совсем как в школьном – зимнем и солнечном – детстве. Она предала свою миссию, свой свет, свою чистоту! За это ее наказали – посредством сына. В ее ребенке проснулась грязь его отца, а не ее чистота. Но она знает, что делать, как очистить своего мальчика, а затем и всех людей – в этом городе, в этой стране, на этой планете.

Ей снова стало весело и хорошо, и ангелы вернулись, утешая и поддерживая в ее решении и осеняя свежее чело кончиками тугих звонких крыльев.

Ночью она вошла в комнату сына, полную тишиной и ласковым запахом спящего детского тела. Включила свет и резко сдернула одеяло: «А ну-ка, встать!» Он подчинился, замер у своей кровати на подрагивающих ногах, встрепанный, как испуганный ежик. Он жмурился и переминался с ноги на ногу, а она чувствовала, как ее сияние разрастается и окутывает ее ребенка. Но он этого не замечал, и оттого, должно быть, дрожал и поглядывал исподлобья. Она протянула к сыну обе руки – две источающие любовь и ласку материнских руки. Она схватила его в охапку и потащила в ванную. Сын, очумелый со сна, принялся вырываться, и тогда она до хруста заломила тонкий локоть за спину.

Потом было много льющейся воды – холодной хлорированной воды, чей запах раздражал ноздри. И узкие скользкие детские плечи, вихляющиеся, выпрыгивающие из ее рук. Ах, зачем он сопротивлялся, маленький дурачок?.. Зачем, зачем, зачем...

...От потоков ледяной воды, перемешивавшейся с теплой кровью, от криков, переходящих в хрип, от дикой ярости, смешанной с экстазом (хоть и ослабленных вдвое) у меня закружилась голова и затошнило. Впрочем, я знал, что с моим телом, смиренно лежавшим в относительно отдалении от меня, никакого конфуза не случится: проверено сотни раз.

Я прервал контакт: увиденного было достаточно. С материалами дела я подробно ознакомился заранее, наблюдать же процесс до конца: как тело одиннадцатилетнего мальчишки превращают в кровавое месиво – сперва с помощью пемзы, а затем – всего, что только попадает под руку (маникюрных ножниц, бритвенного станка, края унитаза), желания не было. Да и для вынесения вердикта это было бы уже избыточным.

Во рту стоял стойкий вкус железа (или крови?). На душе было мутно – обычное ощущение после копания в мозгах нашего специфического контингента. Еще практически всегда выскакивает, как чертик из табакерки, дежурный вопрос самому себе: «А на хрена мне все это надо? Уволиться к чертовому дедушке и перейти в Общий!..»

Я работаю в Особом отделе. К нам поступают те, кто совершил тяжелое преступление. Нет, не ларек ограбил, не бумажник у пьяного вытащил – но убийство, изнасилование с тяжкими последствиями или зверское избиение. Присылают и просто душевнобольные, для проверки: нуждаются ли они в изоляции или могут жить в лоне семьи без риска для остальных ее членов.

Общих отделов больше, и они почти столь же привычны, как поликлиники. Любого человека, идущий в политику, во власть или поступающий на работу с повышенной ответственностью, в обязательном порядке проходит проверку на адекватность и стабильность психики, и затем повторяет ее каждые полгода.

Профессия мада считается одной из самых тяжелых и изматывающих. Пенсия после пятнадцати лет работы, инфаркты, нервные расстройства. А то и психозы. Но этот факт меня не беспокоит – пока. Мне двадцать восемь, ни заикаться, ни дергаться без причин еще не начал. Разве что седых прядей многовато для моего возраста. Свою работу люблю – несмотря на все

перечисленное. Как, впрочем, и большинство мадов. По мне, так нет ничего интереснее, чем бродить в душах людей, пусть даже изломанных и искореженных. Каждая психика – целый мир (амазонские джунгли, Венера, иная галактика) со своей особенной атмосферой, красотами, ужасами и чудесами.

В народе таких как я и мои коллеги не любят. Называют «инквизиторами», «мозговыми шнырями», «гололобыми». Последнее – из-за выбритых висков и полоски надо лбом, куда накладываются датчики «Мадонны». По сей примете мадов узнают безошибочно. Не шарахаются, конечно, как от прокаженных или палачей в красной рубаше, но и записывать в друзья особо не стремятся. Меня такое отношение почти не трогает. Волки (жили когда-то такие звери в густых чащах) – санитары леса. Мы – санитары каменных джунглей. Причем сами выбравшие свою судьбу, свою работу.

Я и париков никогда не ношу, в отличие от многих коллег. Жарко, чешется маковка, да и вообще – какого черта? Все мои малочисленные приятели и знакомые – такие же мады, а на соседей по лестничной клетке или продавщиц в магазинах мне искренне наплевать. Впрочем, будь я обыкновенным обывателем, думаю, тоже не жаловал бы нашего брата. И даже не только потому, что мы вершим судьбы оступившихся людей, выносим окончательный приговор. Мадов считают бездушными, как машины, и в этом есть доля правды. Прежде чем войти в чужое сознание, нужно полностью очистить собственное – ни воспоминаний, ни мыслей, ни эмоций. Это достигается двумя путями – медитацией, либо машинным очищением. Я избрал первый путь. Большинство моих однокашников предпочли второй – в этом случае не нужно прилагать никаких усилий, все за тебя делает «Мадонна». Через пять-шесть лет подобных машинных чисток человек неумовимо меняется – становится все менее чувствительным, менее эмоциональным и сердечным. А уж во что он превращается к пенсионным годам... Впрочем, о последних мне судить трудно: предпочитаю общаться с ровесниками.

Отлепив от себя датчики «Мадонны», я сел, энергично помотал головой, растер онемевшие кисти рук и ступни и поплелся в джузи.

Каждый мад справляется с издержками профессии по-своему. Для этого в офисе существует специальный «кабинет разгрузки». Начальство, зная о наших маленьких причудах, не пожалело средств на его обустройство: слишком дорого могла обойтись возня с мадом, не сумевшим справиться с собой, плененным чужим внутренним миром – на реабилитацию ушли бы месяцы. «Кабинет разгрузки» состоит из уютного холла с огромным аквариумом, в котором покачиваются вальяжные разноцветные рыбы (баснословно дорогая вещь по нынешним временам!), примыкающей к нему джузи (так отчего-то называется просторная круглая ванна) и курительной комнаты в восточном стиле – подушки, ковры, кальян. Курить предлагается как простой табак, так и ароматические смеси и даже «травку». Есть и стереосистема с богатым выбором кассет – от Баха до крах-рока.

Моей бывшей жене Алисе (тоже маду, но из Общего отдела) помогают расслабиться две кошки, живущие в ее кабинете. Дома она не держит никакую живность, но после контакта не может прийти в себя без того, чтобы не запустить пальцы в шелковистую шерсть, не взять мурлыкающе создание себе на колени и долго, очень долго поглаживать выгибающуюся спину и упругие лапки. Кошки тоже баснословно дороги, и уборщица, отвечающая за их благополучие, трясётся, чтобы изнеженных зверьков не продуло или они не отравились недоброкачественной пищей – для чего пробует их корм и затыкает все щели.

Со мной проще – я обхожусь водой. Вот и сейчас: хорошо, что джузи свободно. Кроме меня в отделе работают еще четверо мадов, но один ловил кайф, сжав зубами мундштук, в курительной комнате, а трое еще не восстали со своих кушеток. Я отвернул все краны, подставив под упругие горячие струи спину, плечи, ступни, и блаженно прикрыл глаза. Вода – мой спаситель. Она уносит с собой чужие мысли и страсти, наполняя влажным покоем...

Минут через десять закрутил краны и по самые ноздри погрузился в лазоревый ласковый кайф. Вода была ароматизированной, и ароматов предлагалось больше дюжины. В этот раз мой выбор пал на «ночную фиалку». Ночная фиалка, господи боже мой! На земле давно не осталось таких цветов, а запах живет. Впрочем, откуда мне знать, что фиалка пахла именно так? В воде растворили создание химиков, и не факт, что оно имеет что-то общее с реальным цветком. Возможно, так благоухал когда-то стиральный порошок или детское мыло. Ну и черт с ним! Запах «ночной фиалки» вкупе с лаской воды возрождал и очищал мой усталый мозг – это главное.

Я открыл разморенные негой глаза и пошевелился. Мне нравится смотреть, как от жары набухают вены на руках, как скукоживаются бледным узором подушечки пальцев. Я уже забыл, что только что был женщиной, калечившей собственного сына во имя мифической чистоты и благодати. Снова стал собой – молодым, но уже опытным мадом, разведенным, имеющим интересную работу (да-да, какой, к черту, Общий отдел – там же скука смертная!) и уютную однокомнатную хатку. А также – единственную дочь, которую люблю столь сильно и безотчетно, что порой самому странно: откуда во мне, скептическом и рациональном дяденьке, взялась такая жгучая нежность к маленькому и, в сущности, ничего из себя не представляющему созданию?..

Слышно было, как за стеной ходила Любочка, моя ассистентка. Отключала аппаратуру, протирала спиртом чуткие щупальца датчиков, готовила бумаги мне на подпись. А за другой стеной двое санитаров отсоединяли недвижимую женщину от объятий «Мадонны», приводили в себя и, поддерживая с двух сторон, уводили в одиночную палату-камеру. Интересно: я только что был ею, но не знал, как она выглядит – согласно инструкции (с непонятной мне логикой), нам не дозволяется видеть своих пациентов.

– Денис Алексеевич, извините, что отвлекаю, но не могли бы мы сегодня закончить пораньше? У меня мама приболела – хочу ее навестить.

Стук в дверь, сопровождаемый тонким деликатным голоском, вызвал всплеск раздражения. Не отвечая, я нарочито медленно вынул себя из воды и принялся вытираться. Эх, Люба-Любочка-Любаша... Катастрофически глупая и столь же добросердечная барышня. Когда-то она даже занимала меня. Это было сразу после развода с Алисой – чьей полной противоположностью являлась моя ассистентка. Пару раз мы даже переспали – за что до сих пор ощущаю слабое чувство вины: нехорошо подавать надежды незамужней томящейся девушке. На сегодняшний день участливо-слезливая блондинка не вызывает у меня ничего, кроме снисходительной жалости, периодами сменяющейся – вот как сейчас – раздражением.

В кабинет я прошлепал босиком – люблю утопать пятками в ворсинках паласа. Плюхнулся в кресло. Темно-синий палас, серебристые обои, голубой потолок – по контрасту с духовой джузи даже прохладно. Нам разрешено обустраивать рабочие норки в своем вкусе, и это замечательно. Все остальные помещения в нашем учреждении выдержаны в ярких тонах – пресловутая «цветовая компенсация». Любочка не раз жаловалась, что в моем кабинете слишком уныло. А мне – в самый раз.

Ассистентка, шурша уже надетым плащом, принесла бумаги.

– Так я побежала, Денис Алексеевич?..

Я кивнул:

– До завтра, Любочка. Маме привет!

Терпеть не могу писать отчеты. И вообще писать – лень напрягаться, выстраивая слова в нужном порядке. Да и почерк мой ублажит не всякое эстетическое чувство. Но главная трудность – пребывание в чужой психике трудно облечь человеческой речью. Пациент, или «ведомый» погружается во время контакта в особый сон без сновидений, нечто вроде гипноза, при

котором его воля парализуется, дабы не мешать воле «ведущего». Войдя, слив два потока сознания воедино, мы начинаем помнить и знать все, что помнит и знает «ведомый», чувствуем то же, что и он. Но при этом не теряем собственное «я», своих целей и намерений, и редких мыслей (куда от них денешься, очищай – не очищай?..)

Пошарил по столу в поисках хоть одной неиспользованной ручки. Увы. Пришлось прогуляться до стола Тура, благо он рядом – в трех метрах от моего. С фотографией альпийского луга под стеклом и глиняной статуэткой какой-то богини. Обычно он завален бумагами, усыпан крошками и усеян пеплом – Тур грандиозно неряшлив. Но сейчас педантично чист – Любочка постаралась.

До Катастрофы никто не писал ручками – то бишь, пальцами – это делали «компики». Они еще много чего умели: показывали кино, утешали при депрессиях, забалтывали детей на ночь сказками. Не говоря уже по всемирную всепроникающую паутину.

– «Компик» бы сюда. Совсем маленький, совсем простенький...

«Перебьешься».

Я почти услышал голос Тура. Даже оглянулся на его стол, от которого едва отошел. Артур, Тур, Турище... Мой напарник и друг. Единственный. Все-то у меня в одном экземпляре: один друг, одна жена, одна дочка. Одна работа, она же – хобби.

С Туром мы подружились во время учебы. Мады-практики не имеют высшего образования – хватает двухгодичных Курсов, на которых основное внимание уделяется «спортивному ориентированию» и технике безопасности. Особо одаренные особи (их кличут Ооо) учатся еще три года, пополняя затем ряды одной из самых престижных и секретных наук современности – психологии. По уровню престижности и секретности с ней сравнится разве что гениальная инженерия.

Я – практик. Еще в школе был троечником, и погружение в умные книжки с неудобочитаемыми словесами – не моя стихия. Тур на порядок меня головастее, но тоже отчего-то не захотел влиться в блестящие ряды Ооо и предпочел тишь кабинета и ласковые объятия «Мадонны».

«Мадонна»... Помнится, когда только изобрели чудо-машинку и дали ей это имя – имея в виду милосердное воздействие на измученное человечество (а тех, кто с ней работал, тут же окрестили «мадами»), это вызвало ряд протестов со стороны христиан: кощунственно давать бездушной машине имя матери Христа! Но от возмущенных голосов отмахнулись – слишком они были малочисленны.

Христианство, бывшее до Катастрофы самой влиятельной религией на планете, превратилось в раздробленные крохотные секты. Астероид с символическим названием Немезида нанес неисцелимую рану не только плоти Земли, но и ее душе – вере. Большинству выживших трудно было совместить в сознании заповедь «Бог есть любовь» с конкретным проявлением этой любви, упавшим с небес. Нет, конечно, все помнили печальные истории про Всемирный Потоп и Содом и Гоморру, но то было в Ветхом Завете. Новый же вещал о милосердии и заботе Отца.

Большинство оставшихся в живых католиков, протестантов и православных поменяли мировоззрение, став атеистами и агностиками. Нью-Эйдж, расцветший пышным цветом в начале века, уцелел – хотя стал малочисленнее, и разделился на два течения. Одно, широкое и полноводное, являло собой соцветие духовных школ на любой вкус, с любым «слоганом», или образом Творца: «Бог есть игрок», «Бог – экспериментатор», «Бог есть!», «Бог – сумасшедший гений», «Бог – Ты!» и прочее в том же роде. Другое было закрытым, эзотерическим – нечто вроде древних орденов, куда входили лишь посвященные. Учась на Курсах, мы с Туром параллельно посещал одну из таких школ (помнится, лозунгом ее было: «Бог – одинокий безумный гений») – чтобы овладеть техникой медитации.

А сейчас Тур в больнице. Психиатрической, вестимо – в иные мады попадают гораздо реже. Что с ним случилось, толком не знаю: Тур слетел с катушек два месяца назад, когда я был в отпуске. Проводил его в доме отдыха – специальном, для мадов (солярий, оранжерея, натуральный творог на ужин), вернулся загорелым и лоснящимся – и на тебе, пустой чистенький стол. «На реабилитации», – сухо сообщила Любочка. Где? Как? Отчего? Молчание. Самое обидное, что даже навестить его не могу – не положено у нас навещать коллег в психиатрических клиниках, и адреса клиники мне никто не доложит...

Остается только ждать, когда Турище подлатают, и он заявится – громоздкий, флегматичный, похожий на Дельвига, с вечной незлой усмешечкой на губах и привычкой цитировать непонятно кого, к месту и не к месту.

Мы на редкость близки с ним. Созвучны. Оба любим синее и серебряное, ненавидим ТВ и кайфуем от древних книжек. Оба скептики и агностики. Вот только женат Тур не был, ни разу. И детей у него нет.

Бегло накарябал нелюбимый отчет – уложился в две страницы.

Помнится, в первые дни своей профессиональной деятельности вместо отчета строчил детские стишки и скороговорки – был свято уверен, что никто этот хлам не читает и никогда не прочтет. Но где-то через неделю меня вызвал шеф и с полчаса орал, тряся перед моим растерянным фейсом моими же липовыми бумажками. Оказалось, читают, да еще как – теоретики-ученые, крупномозглые Ооо, строя на таких вот бумажках свои умные психологические теории.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.